

Анатолий Собенников

Творчество А. П. Чехова в рецепции С. Н. Булгакова

Studia Rossica Posnaniensia 36, 249-256

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА В РЕЦЕПЦИИ С.Н. БУЛГАКОВА

A. CHEKHOV'S OEUVRE IN S. BULGAKOV'S RECEPTION

АНАТОЛИЙ СОБЕННИКОВ

ABSTRACT. The article is devoted to Sergej Bulgakov's reception of Chekhov. Bulgakov turned numerous times to the works of Russian writers, such as Gertsen, Dostoyevsky, Tolstoy and others. The public lecture 'Chekhov as Thinker' was given in the autumn of 1904 at the Tenishev College. It can be examined within the framework of Bulgakov's reception of Chekhov's writings. However, a more productive approach seems to lie elsewhere: the philosopher's thoughts on Chekhov in the context of his transition 'from Marxism to idealism'. In this sense, the lecture on Chekhov represents a sum total of sorts.

Chekhov's heroes become for him an example of the discrepancy between the general level of culture and spiritual potential of personality. In Chekhov's artistic world, the accent is indeed placed on the individual's moral effort. Instead of putting forward demands to the world, Chekhov's heroes, such as Dymov (in *Poprygunia, The Hopper*), Misail Poloznev (in *Моя жизнь, My Life*), Nina Zarechnaja (in *Chaika, The Seagull*) and many others, begin with demands on themselves.

The public lecture was given at the time of first Russian Revolution of 1905. Thus the philosopher extends the boundaries of aesthetic analysis, and considers Chekhov's oeuvre as a testament, while the personality of the writer becomes an example of civic service.

Анатолий Собенников, Иркутский госуниверситет, Иркутск – Россия.

Выдающийся экономист, философ и богослов С.Н. Булгаков был младшим современником А.П. Чехова. Он – создатель „собственной версии православной социальной философии“¹. Но художественная литература и философия не являются отдельными и суверенными видами знания, они различаются формой гнозиса. Современники могут ни разу не встретиться в реальном пространстве и времени, но их встреча в большом историческом времени неизбежна, если тот и другой стали явлением национальной культуры².

¹ Ю.Н. Д а в ы д о в, *Апокалипсис атеистической религии*, [в:] С.Н. Б у л г а к о в, *Два града*, Москва 2008, с. 5.

² Работ на эту тему практически нет. См.: А.С. С о б е н н и к о в, *Между „Есть Бог“ и „нет Бога“ (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова)*, Иркутск 1997, с. 10–15; комментарии к статье С.Н. Б у л г а к о в а, *Чехов как мыслитель. Публичная лекция*, [в:] А.П. Ч е х о в, *Pro et contra*, Санкт-Петербург 2002, с. 1030–1031; М.М. Д у н а е в, *Антон Павлович Чехов*, [в:] его же, *Вера в горниле сомнений*,

С.Н. Булгаков неоднократно обращался к творчеству русских писателей: А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других. Публичная лекция *Чехов как мыслитель* была прочитана осенью 1904 г. в Тенишевском училище³. Она может быть рассмотрена имманентно, в аспекте рецепции Булгаковым творчества Чехова. Но более продуктивным представляется иной путь: размышления философа о Чехове в контексте перехода „от марксизма к идеализму”. В этом плане лекция о Чехове – некий итог.

Уже заглавие *Чехов как мыслитель* не только полемично по отношению к прижизненной критике, оно включает принципиальный постулат: „Узнать человека – значит узнать его религиозную жизнь”⁴. По мнению Булгакова, главный вопрос, который диктуется человеку: „Каковы цель и смысл человеческой жизни вообще?”⁵. Решая этот вопрос, человек вольно или невольно становится философом. Именно проблема смысла жизни, проблема религиозного идеала отличает русскую литературу от иных литератур. И в этом отношении Чехов у Булгакова стоит рядом с Достоевским и Толстым.

Однако если мы не имеем обширной и оригинальной научной литературы по философии, то мы имеем наиболее философскую изящную литературу; та сила мысли нашего народа, которая не выразилась в научных трактатах, нашла для себя исход в художественных образах, и в этом отношении в течение XIX в., по крайней мере второй половины его, мы в лице Достоевского и Толстого, даже Тургенева, в меньшей степени и Чехова – идем впереди европейской литературы, являясь для нее образцом⁶

– писал Булгаков.

Эту же мысль Булгаков повторит в публичной лекции:

Чехов является достойным выразителем этих лучших традиций нашей литературы, многое роднит его с обоими ее корифеями, и после них он является писателем наибольшего философского значения⁷.

Москва 2002, с. 583 и др.; О.А. К л и н г, *Чеховский Петя Трофимов и философ Сергей Булгаков*, [в:] *Философия А.П. Чехова*, Иркутск 2008, с. 86–96.

³ С.Н. Б у л г а к о в, *Чехов как мыслитель*, Киев 1905. С этой лекцией Булгаков выступал также в Ялте (29 августа 1904 г.) и в Петербурге. Второе отдельное издание вышло в Москве в 1910 г. В виде статьи лекция была опубликована в журнале „Новый путь” (1904, № 10, с. 32–55; № 11, с. 138–153). Ее содержание довольно подробно пересказывалось в газете „Русь” (см.: *Вл. Б. на лекции о Чехове*, „Русь” 1904, № 313, 24 окт., с. 3).

⁴ С.Н. Б у л г а к о в, *Душевная драма Герцена*, [в:] *От марксизма к идеализму*, Москва 2006, с. 539.

⁵ С.Н. Б у л г а к о в, *Об экономическом идеале*, [в:] *От марксизма к идеализму*, указ. соч., с. 648.

⁶ С.Н. Б у л г а к о в, *Иван Карамазов как философский тип*, [в:] *От марксизма к идеализму*, указ. соч., с. 464.

⁷ С.Н. Б у л г а к о в, *Чехов как мыслитель*, указ. соч., с. 542.

Прежде всего философа интересует тот „духовный капитал“, который оставил читателям Чехов. И главное здесь – поиски смысла жизни, правды жизни его героями. Булгаков обратил внимание на то, что герои Чехова – средние люди, отнюдь не титаны духа и мысли.

Полное отсутствие героического в его персонажах и является их основной и характернейшей чертой⁸

– писал он.

Главная ошибка прижизненной критики, по его мнению, заключалась в том, что

от чего он болел, чем он был сам отравлен, считали предметом его проповеди, сливая автора с его героями⁹.

Какую болезнь имел в виду философ? Эта болезнь была названа еще в статье о Герцене, и имя ей – духовное мещанство. Духовное мещанство – дитя европейского позитивизма и европейской цивилизации, и единственный противовес ему – религия¹⁰.

В произведениях Чехова ярко отразилось это русское искание веры, тоска по высшем смысле жизни, мятущееся беспокойство русской души и ее больная совесть¹¹

– утверждал он.

Искание веры, по мнению Булгакова, отразилось в таких произведениях, как рассказ *На пути*, пьеса *Три сестры*, повести *Скучная история*, *Моя жизнь*, *Палата № 6* и др. Жизнь и вера, по Булгакову, неразрывно связаны, а если в душе человека нет веры, он становится живым трупом. В качестве примера „религиозного банкротства“ Булгаков приводит Николая Степановича из *Скучной истории*, Владимира Ивановича из *Рассказа неизвестного человека*, Иванова из драмы *Иванов*, Андрея из пьесы *Три сестры*. В исповедальных монологах персонажей философ видит один из важнейших лейтмотивов чеховского творчества – утрата героем личного смысла жизни, бессилие героя. Он также обратил внимание на перекличку монологов Андрея в драме *Три сестры* и Мисаила Полознева в повести *Моя жизнь*, в центре которых обличение нравов провинциального города.

Жизнь среднего обывателя описана Булгаковым в таких терминах: „скотское равнодушие“, „бессмысленная злобность“, „тупой эгоизм“, „обволакивающая пошлость“¹². Однако Чехов, по его мнению, не сатирик, он снисходительно относится к своим персонажам. Художественная манера Чехова назва-

⁸ Там же, с. 546.

⁹ Там же, с. 544.

¹⁰ См.: С.Н. Булгаков, *Душевная драма Герцена*, указ. соч., с. 569.

¹¹ С.Н. Булгаков, *Чехов как мыслитель*, указ. соч., с. 542.

¹² Там же, с. 547.

на „идеалом художественной простоты и реализма”¹³. С точки зрения Булгакова, писатель может быть причислен к лику великих гуманистов: Достоевского, Толстого, Гаршина, Гл. Успенского.

Вместе с тем, „отчего так велика сила обыденщины, сила пошлости?”¹⁴ – спрашивает он. Ответ нужно искать в природе человека, „во внутренней слабости человеческой личности, в слабости или бессилии голоса добра в человеческой душе”¹⁵. Булгаков совершенно верно уловил здесь внутреннюю полемику Чехова с позитивистской „теорией среды”. У Чехова не среда, не внешние условия жизни превращают выпускника университета Дмитрия Ионыча Старцева в Ионыча. Кто заставлял героя играть по вечерам „с наслаждением” в винт или пересчитывать „бумажки, добытые практикой”?

Заслуга Булгакова также в том, что он первым из прижизненной критики увидел и обозначил круг проблем, объединяющий Чехова с религиозно-философским течением в русской литературе. Одним из первых Булгаков заговорил и о мировом значении чеховского творчества:

считать Чехова бытописателем русской жизни и только всего – это значит не понимать в нем самого важного, не понимать мирового значения его идей, его художественного значения¹⁶.

Настроение Чехова философ определяет как мировую скорбь, ставит имя Чехова рядом с именем Байрона. И тот и другой в разной форме говорят о противоречии,

которое существует между беспредельными стремлениями человека и фактически-ми условиями его теперешнего существования¹⁷.

Совершенно справедливо Булгаков называет главным мотивом чеховского творчества

скорбь о бессилии человека воплотить в своей жизни смутно или ясно сознаваемый идеал; разлад между должным и существующим¹⁸.

Влечение Чехова к слабым людям объясняется его близостью к главной идее христианской морали:

всякая живая душа, всякое человеческое существование представляет самостоятельную, незаменимую, абсолютную ценность¹⁹.

Чехов становится для Булгакова аргументом в споре с философией „атеистического аморализма” Ницше. О Ницше философ достаточно подробно

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 548.

¹⁵ Там же, с. 549.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 550.

¹⁸ Там же, с. 551.

¹⁹ Там же, с. 552.

говорил в публичной лекции *Иван Карамазов как философский тип*. В лекции же о Чехове он утверждал:

Человека облагораживает, делает человеком в настоящем смысле слова не это странное обожание натурального, зоологического сверхчеловека, „белокурой бестии” Ницше, но вера в действительно сверхчеловеческую и всемогущую силу Добра, способную переродить поврежденного и поддержать слабого человека. Только веря в нее, можем мы верить в себя и в своих братьев – человечество. Таков вывод, который, думается нам, неоспоримо вытекает из всего творчества Чехова²⁰.

Таким образом, в центр художественного мира Чехова выдвигается этическая проблематика, которую Булгаков считал первой по важности для философии²¹.

Особого внимания, с точки зрения Булгакова, заслуживает вопрос о чеховском пессимизме²². В той или иной степени Чехова считали пессимистом многие критики той эпохи, подчеркивая „хмурое настроение” его рассказов (Пл.Н. Краснов)²³, „безысходно-мрачное настроение” (А.И. Богданович)²⁴. Л. Шестов, как известно, называл Чехова „певцом безнадежности”²⁵. Булгаков же для характеристики чеховского мировоззрения предлагает термин „оптимопессимизм”,

видящим торжество зла, призывающим к мужественной и активной борьбе с ним, но твердо верящим в грядущую победу добра²⁶.

Вопрос веры для Булгакова – краеугольный, но он считал, что в произведениях Чехова

стыдливо и, быть может, несколько нерешительно отражается крепнущая религиозная вера, христианского оттенка: сказать что-нибудь определеннее нас не уполномочивают имеющиеся данные²⁷.

И в этом вопросе Булгаков-читатель стремится быть максимально объективным, не преуменьшая, но и не преувеличивая религиозности Чехова. А между тем священник М. Степанов был категоричным: „Заключение можно сделать

²⁰ Там же, с. 553.

²¹ См.: С.Н. Булгаков, *Иван Карамазов как философский тип*, указ. соч., с. 471.

²² В воспоминаниях И.А. Бунина приводится возражение Чехова тем, кто считал его пессимистом: „Какой же я «пессимист»? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ *Студент*” (А.П. Чехов в воспоминаниях современников, Москва 1954, с. 480).

²³ Пл.Н. Краснов, *Осенние беллетристы*, [в:] А.П. Чехов, *Pro et contra*, указ. соч., с. 252.

²⁴ А.И. Богданович, *Критические заметки*, [в:] А.П. Чехов, *Pro et contra*, указ. соч., с. 256.

²⁵ См.: Л. Шестов, *Творчество из ничего* (А.П. Чехов), [в:] А.П. Чехов, *Pro et contra*, указ. соч., с. 567.

²⁶ С.Н. Булгаков, *Чехов как мыслитель*, указ. соч., с. 554.

²⁷ Там же, с. 556.

только одно – Чехов в е р о в а л”²⁸. А.А. Измайлов утверждал: „Страстная жажда Бога и веры жила в нем, заставляла его думать о Боге, Христе и бессмертии и оставляла следы этих дум в книгах”²⁹. В православном характере чеховского творчества были убеждены М. Каллаш³⁰, Б. Зайцев³¹. Для М.М. Дунаева Чехов – писатель „православный по духу”³². Думается, „имеющиеся данные” подобной категоричности не предполагают.

Центральное место в социолого-философских построениях Булгакова на рубеже веков занимает теория прогресса.

Значение теории прогресса состоит в том, что она призвана заменить для современного человека утерянную метафизику и религию, точнее, она является для него и тем и другим³³.

– писал он. Отношение к идее прогресса в русской литературе было неоднозначным. Еще Тургенев отметил жестокость и равнодушие теории прогресса к отдельному человеку. Герой романа *Отцы и дети* Базаров говорит о старосте Филиппе:

Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?³⁴

Известно критическое отношение к ней Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В романе Ф.М. Достоевского *Братья Карамазовы* в монологе Великого инквизитора показана гипотетическая вероятность утраты человечеством духовной свободы в результате выбора „телег, подвозящих хлеб”. В романе Л.Н. Толстого *Анна Каренина* плоды технической цивилизации, материальный комфорт не делают человека счастливее; не случайно героиня гибнет, бросившись под поезд. Теория эволюции, естественного отбора, технические открытия, с точки зрения Толстого, порождение ума. Константин Левин размышляет:

Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно³⁵.

„Уму” автор противопоставляет „сердце” и „совесть”.

²⁸ М.М. Степанов, *Религия А.П. Чехова*, Саратов 1913, с. 57.

²⁹ А.А. Измайлов, *Вера или неверие (религия Чехова)*, [в:] А.П. Чехов, *Pro et contra*, указ. соч., с. 902.

³⁰ М. Курдюмов (М. Каллаш), *Сердце смятенное: о творчестве А.П. Чехова. 1904–1934*, „Русь” 1934.

³¹ Б. Зайцев, *Чехов. Литературная биография*, Нью-Йорк 1954.

³² Там же, с. 664.

³³ С.Н. Булгаков, *Основные проблемы теории прогресса*, [в:] его же, *От марксизма к идеализму*, указ. соч., с. 499.

³⁴ И.С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах*, т. 7, Москва 1981, с. 121.

³⁵ Л.Н. Толстой, *Собрание сочинений в 20-ти томах*, т. 9, Москва 1963, с. 422.

Неприятие Булгаковым идеи прогресса происходит в сходном ключе. Теория прогресса, по его мнению, абсолютизирует понятие „человечество”. Однако реальным источником исторического движения являются люди. Цель прогресса – счастье, но как найти единицу „для измерения радости и горя?” Поэтому

нравственным является лишь то счастье, которое есть попутный и непреднамеренный результат нравственной деятельности, служения добру³⁶.

Чеховские герои становятся для него примером несовпадения общего уровня культуры и духовного потенциала личности.

Безличный исторический прогресс... не может автоматически выполнять того, что навсегда останется только делом личности, нравственным ее подвигом³⁷

– полагал он.

В художественном мире Чехова, действительно, акцент делается на нравственном усилии личности. Не предъявлять претензии к миру, а начать с себя – вот путь таких чеховских героев, как Дымов (*Попрыгунья*), Мисаил Полознев (*Моя жизнь*), Нина Заречная (*Чайка*) и многих других. Неслучайно Булгаков приводит цитату из письма Чехова И.И. Орлову, в котором принцип персонализма раскрыт наиболее полно („я верую в отдельных людей”). Опираясь на высказывание Чехова, Булгаков делает вывод:

только необычайным, непрерывным трудом и, прежде всего, работой над собой, над своим собственным самовоспитанием может подняться наша интеллигенция до высоты своих исторических задач³⁸.

В русской демократической критике, в широких читательских массах глубоко укоренилась формула Н.А. Некрасова: „Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан” (*Поэт и гражданин*). Все „толстые” литературные журналы в России были партийными. В прижизненной критике были нередкими обвинения Чехова в равнодушии, в отсутствии гражданской позиции (Н.К. Михайловский, П.П. Перцев и др.). Булгаков же верно отметил творческую свободу Чехова, „свободу от какой бы то ни было тенденциозности и предвзятости”³⁹.

В то же время гражданская позиция писателя, по его мнению, проявилась в правдивом изображении крестьянского разорения в *Мужиках*, в *Новой даче*. Социолог дает о себе знать в таких формулах, как „первоначальное накопление капитала” (*В овраге*), „фетишизм товарного производства” (*Случай из практики*, *Бабые царство*). Булгаков подчеркивает, что главный вопрос эпохи – социальный вопрос.

³⁶ Там же, с. 512.

³⁷ С.Н. Булгаков, *Чехов как мыслитель*, указ. соч., с. 558.

³⁸ Там же, с. 564.

³⁹ Там же, с. 559.

Всякий день теперь принадлежит истории, и мы должны помнить о той неимоверной исторической ответственности, которая ложится на нас за каждый неверный или нерешительный шаг, за каждую ошибку перед родиной и нашим потомством⁴⁰

– говорил он.

Публичная лекция была прочитана в эпоху первой русской революции 1905 года. В заключительной части философ явно выходит за рамки эстетического анализа, рассматривая творчество Чехова как завет. Личность писателя становится для него примером гражданского служения.

Таким образом, С.Н. Булгаков не просто принял участие в полемике, развернувшейся после смерти писателя, не просто обозначил новый контекст его творчества – религиозно-философский и социально-культурный, – но и актуализировал его. Однако ближайшие исторические и политические реалии не должны заслонять главного, а именно – жизнь произведения во времени. Художественные интуиции Чехова и философские прозрения Булгакова давно стали фактом „большого Времени“. И раз они остаются значимыми для нас, мир снова открыт для понимания, следовательно, для „ответственного бытия“ в нем.

⁴⁰ Там же, с. 565.